

Удивительное погружение во время, что становится любовью, трагедией, яростью, невозможностью, клятвой, победой и бессмертием. Во время, которое мы, земляне, еще не пережили. Не прожили. Потрясающая книга – она о будущем. И о любви; будущее, оно ведь и есть любовь.

Арлин и Блайт, Блайт и Арлин.

Думаю, их имена будут повторять люди, когда обнаружат эту книгу, раскусят ее сладость и ощутят на губах и в сердце ее горечь; и эти имена станут синонимом Вечной Любовной Пары – так, как в сознании человечества такую Вечной Парой стали Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Кришна и Радха, Кармен и Хосе, Медea и Ясон, Петр и Феврония.

Об Ассоль и Грее уже молчим – эпитафия к Сфере второй (второй главе книги) – цитата из «Алых парусов» Александра Грина.

Странное ощущение: все историческое, все вроде бы родное, наше, пережитое, переслушанное-перечитанное – и звучащая в эпитафиях АВВА, и «Питер Пэн», и Иван Ефремов, – а время другое, и его подлинность другая; и какая же там, в ином времени, любовь? Все такая же... или другая?

Заглянуть хоть на секунду в будущее – это всегда и соблазн, и проблема. Футурология – это наука, а как быть художнику, главный инструмент которого – сердце?

Совсем юными людьми Арлин и Блайт полюбили друг друга. Первая любовь традиционно считается самой памятной и самой наивночистой. Счастлив тот, кто не утратил эту чистоту, пережитую впервые; кто потом пронесет ее через всю жизнь, как факел чистого (и святого, как Агиос Фос!) огня. Но время – безжалостный пожиратель, не только минут-секунд, но и душевного ДНК; время часто – не благословенный помощник, а главный враг. И в борьбе с этим врагом гибнут души лучших. Затемняется экран. Искажается пространство. И оправдывается то, чему нет оправдания.

И только редкие (редчайшие!) сердца, дав себе и любимому первую, юную клятву, делают это героическим лейтмотивом всей жизни.

Картины будущего в романе Анастасии Ростовоy прописаны так легко и изящно (хочется воскликнуть: с натуры!..) и так просто и достоверно, что в их сугубой достоверности не сомневаешься ни на минуту.

Кто только из писателей не фантазировал на тему будущего! Сонмы фантастов выстраиваются в ряд... Но это роман *не* фантастический. Да, его антураж фантастический, ибо кто же усомнится, что запись Сферы счастья или чествование выпускников Академии Астрофлота – это не штрихи будущей цивилизации?

Стоп! А кто сказал про будущее? Или, наоборот, про прошлое?

Разве все, что происходит в книге, происходит не *в настоящем*?

И – не по-настоящему?

Настоящность горячего, пылкого чувства не заслоняется легким сверкающим флером чисто колористических, искусно изобретенных приемов – изображением вещных признаков и примет иной эпохи. Но наше человеческое воображение – не принадлежность атмосферы компьютерной игры. В «Лепестках» все настолько живо, настолько приближено и к нашему сегодняшнему мироощущению и миронастрою, и одновременно к вечности (к той самой, пресловутой вечности Любовных Пар), что не возникает никакого диссонанса между картинами будущего быта и традиционным преодолением препятствий, – правда, они в будущем несколько иные, нежели в прошлом: если раньше для воссоединения разлученным влюбленным надо было переплыть моря, побороть соперников, вкусить голод и холод, все мученья скитаний, то теперь Рок, почти античный, судьба-Ананке встает перед возлюбленными в иной одежде – нам почти до конца романа предстоит догадываться, какие запреты и почему наложены на людей категории D. У цивилизации будущего свои законы. Галактическое бытие диктует новые формы общения и разрабатывает новые иерархии.

И разлука, такая простая в древние времена, в будущем становится так сложно организованной – хоть все с той же мерой – вернее, безмерностью – скорби и с тем же горьким привкусом безвыходности.

Героям предстоит переплыть смерть. Космос жесток.

И совсем не волшебной сказкой становится спасение жизни Адмирала Блайта: скорее непреложностью, тем, что должно быть. Иначе зачем все? Зачем тогда обе жизни, Певицы Арлин и Адмирала Блайта, принесенные на алтарь великого чувства – между строк читается, что оно одно такое на множество миров, может, на всю Галактику...

Арлин становится певицей не потому, что реализует талант, и не потому, что это ее каприз. Она поет свои песни для того, чтобы Адмирал ее *слышал*. Хоть однажды – услышал. И понял: она все так же любит его. Запрет – приближаться. Запрет – подойти. Где же тогда расстояние протянутой руки? Расстояние поцелуя? И то состояние, когда между любящими расстояния – нет?

«Человек черпает вдохновение у Природы, что бы он ни делал. Однажды я склонился над этим водопадом, и закатное солнце создало такую радугу, что я захотел увековечить её», – говорит мудрец Илле в Садах, куда Арлин приезжает, чтобы окунуться даже не в беседу с драгоценной земной душой – в диалог, быть может, с Небом. Илле – садовник и отшельник – выполняет функции, похожие на заботы древнего земного священника. Арлин и словами, и молча исповедуется ему. Илле поддерживает вектор ее судьбы, направленный на призыв и на память; и, может, он просто тайно любит ее. Певица обладает даром вызывать любовь; Финансист Эктар, владелец концертного зала «Гранд Колосс Арена», идет на первую и единственную сделку с Арлин, вымогая у нее тридцать Сфер счастья для Адмирала – и взамен она получает, для своего выступления, эту воистину грандиозную, галактическую

концертную площадку. Присвоить чужое счастье! Как, оказывается, это просто!..

...и страшно.

Смерть всегда рядом с любовью. А любовь есть предельная концентрация жизни.

Юный Эрос и старый Танатос крепко держатся за руки. Только наступает миг – и старый Танатос, сгорбившись и рыдая, уступает место огненному Биосу. Жизни.

Той жизни, что побеждает все.

Победа! Как говорит Арлин: «Я должна петь в Гранд Колоссе, и это случится. Победа или смерть».

Смерти не будет. Любовь поборола ее.

Правда, для этого любви – и Арлин вместе с ней – пришлось пройти той дорогой, которой не ходил никто из смертных.

Роман Анастасии Ростовской – открытое окно прямо туда, в любовь.

Те, кто любит, с восторгом окупятся в него и поплывут в нем, в его Новом Будущем Океане.

Те, кто уже не любит, со слезами вспомнят свою любовь.

Те, кто еще не любит, с замиранием сердца, читая, будут ее предчувствовать.

Остаются те, кто просто – не любит. Не любит, потому что не может? Или – не судьба? Или – наказание?

«Любите друг друга» – прописная истина, пронзительная истина Евангельской Нагорной проповеди – так мощно оживает в этой прозрачно и ясно написанной, с виду такой простой и нежной утопии, а может, легенде, а может, игре, а может, сказании, что спето жителем еще более отдаленного, немыслимого будущего о баснословном прошлом, – что и не знаешь, книга ли это, текст ли это.

Может, это просто живая, живущая любовь белой птицей из Садов Иллы слетела к нам.

А может, это просто песня Певицы Арлин.

В Гранд Колосс Арене. Между звезд. Рядом с навеки возлюбленным.